

В. В. МАРТЫНОВ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ОБЛАСТИ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Дискуссия по балто-славянской проблеме, под знаком которой развивается балтийская и славянская компаративистика XX в., может быть сведена к следующей альтернативе. Либо возникновению исторически зафиксированного состояния предшествовал некоторый балто-славянский диалектный континуум (балто-славянский праязык)¹, в пределах которого поддерживалась нормальная языковая коммуникация, либо ему предшествовали два (балтийский и славянский) сопредельных диалектных континуума с постоянной межязыковой инфильтрацией. Все варианты решения проблемы могут быть сведены к этим двум.

Естественно, возникает вопрос, обладает ли лингвистика на ее нынешней стадии развития необходимыми и достаточными средствами, для того чтобы отдать предпочтение одной из этих двух концепций.

Мы полагаем, что проблема может быть решена лингвистическими средствами. При этом мы исходим из следующего. Развитие языка, протекающее в соответствии с социальным развитием этнических групп, требует постоянного производства лексем. В то же время оно не обязательно предполагает производство фонем и морфем. Из этого очевидного факта следует, что в условиях диалектного континуума с нормальной языковой коммуникацией производство лексем (resp. словообразование) является основным диагностирующим показателем совместной социальной эволюции². Вместе с тем, так как лексические единицы легко заимствуются из языка в язык, чего нельзя сказать об единицах двух других уровней, длительное время наблюдалось

¹ Мы говорим о балто-славянском диалектном континууме (или балто-славянском праязыке), а не протобалтийском, исходя из удобства формулировок. Мы вполне согласны с концепцией Лер-Сплавинского—Топорова о возникновении праславянского на западной периферии протобалтийского языкового ареала. См. в последнее время следующую формулировку В. Н. Топорова: „... естественнее всего в этом отсутствии различий видеть прямое указание на существование единого языка, который с точки зрения дальнейшего его развития и современных его продолжателей уместно называть балто-славянским, а с точки зрения исследователя, ищущего типологически древнейший компонент этого языка — балтийским (Топоров В. Н. К вопросу о балтизмах в славянских языках (теоретический взгляд). — „Изв. АН Латвийской ССР“, 1973, т. 2(307). Из этого, разумеется, совсем не следует невозможность пространственно-временной стратиграфии балтизмов в славянских диалектах. Ср. Мартынов В. В. Типы лексических балтизмов в белорусских диалектах. — *ABSI*, 1976, т. IX .

² О других преимуществах критерия словообразовательной инновации при решении проблемы праязыковых единств см. Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973, с. 7—12.

устойчивое недоверие к показаниям словообразовательного критерия. Это недоверие во многом оправдывалось тем, что словообразовательная инновация не рассматривалась как преобразование системы словообразовательных формантов, а как возникновение новых слов. Иными словами, возможности системного анализа не использовались вовсе.

Если близость двух языковых семей в области словообразования рассматривать как результат взаимной лексической инфильтрации, разумно предполагать равновероятность такого рода близости для всех семантико-словообразовательных категорий. Если бы подобная картина балто-славянской близости в области словообразования была убедительно продемонстрирована, нам бы не оставалось ничего иного, как признать правоту противников концепции праязыкового единства этих двух языковых семей. В действительности этого не произошло. Более того, при сопоставлении двух словообразовательных систем нами были обнаружены следующие важные закономерности:

1. Все *Nomina agentis* в праславянском относятся к гипотетическому классу балто-славянских новообразований.

2. Число формантов, образующих *Nomina singulativa* в составе этого же класса — 17, в классах праславянских новообразований и индоевропейских архаизмов их — по 2.

3. 13 формантов, образующих *Nomina singulativa* в классе балто-славянских новообразований оканчиваются на *-kъ* и *-jъ*. Только один формант с *-kъ*-заключением относится к индоевропейским архаизмам³.

Полная замена формантов, образующих *Nomina agentis*, и появление серии *Nomina singulativa* с *-kъ*- и *-jъ*-суффиксацией в классе предполагаемых балто-славянских новообразований праславянского означает „большой сдвиг“ в словообразовательной системе. И этот „большой сдвиг“ невозможно объяснить взаимной инфильтрацией или утратой других индоевропейских параллелей, т.к. в последних двух случаях мы ожидали бы случайного функционально-формального распределения формантов между классами.

Случилось так, что на VII Международном съезде в Варшаве, кроме нашего доклада, той же проблеме был посвящен доклад И. Дуриданова⁴, который пришел к диаметрально противоположным выводам.

По мнению Дуриданова, сравнение именной суффиксации балтийских и славянских языков позволяет ввести в научный обиход дополнительную аргументацию против концепции балто-славянского праязыкового состояния. Дуриданов не пытается обнаружить какие-либо следы балто-славянского инновационного процесса, поэтому его выводы неизбежно отрицательные. Ход рассуждения болгарского слависта примерно следующий. В балтийских и славянских языках, помимо именных суффиксов, унаследованных от индоевропейской и балто-славянской эпохи, существуют форманты, свойственные только одной языковой семье, часть которых имеют соответствия в других индоевропейских языках, а также общие форманты, возникшие в результате относительно позднего влияния славянских языков на балтий-

³ См. Мартынов В. В. Указ. соч., с. 52—56.

⁴ Дуриданов Ив. Към стратиграфията на именните типове в славянските и балтийските езици. — В кн.: Славянска филология, т. II. Езикознание. София. 1973.

ские. Эти соображения приводят его к мысли, что „балто-славянский (период) не имел единого фонда именных суффиксов“⁵. При этом остается неясным, что понимается под „единым фондом именных суффиксов“, учитывая, что и современные языки, если их рассматривать как диалектные континуумы, не характеризуются абсолютным единством набора словообразовательных формантов. Далее, наличие некоторых формантов в одних языках и отсутствие в других, естественно, может объясняться их сохранением в одних случаях и утратой в других. И, наконец, поскольку постоянно обнаруживаются новые соответствия между словообразовательными формантами балтийских и славянских языков, никогда не может быть исключена возможность установления более полного соответствия между словообразовательными системами двух сравниваемых языковых семей.

Как мы уже говорили, Дуриданов фактически обошел основную проблему — проблему балто-славянского инновационного словообразовательного процесса. Выделяемый им пласт суффиксов, характерных только для балтийских и славянских языков, он никак не квалифицирует, и происхождение этих суффиксов остается неясным.

В нашем исследовании праславянского и балто-славянского именового словообразования шла речь только о системе организованных, тождественных в функционально-формальном плане и продуктивных формантах с одинаковой деривационной историей⁶. Форманты, не удовлетворяющие этим требованиям, в расчет не принимались. Подобного рода жесткие требования к отбору материала возможны при анализе аффиксального словообразования и невозможны — при анализе основосложения и семантического словообразования. В последних двух случаях, однако, недостаточная требовательность к перечисленным формальным показателям компенсируется анализом по семантическим микросистемам в лингвогеографическом плане⁷. Пользуясь этой методикой, мы реконструировали одну балто-славянскую семантическую микросистему, представляющую, как нам кажется, особый интерес для проблемы балто-славянского инновационного процесса. Мы имеем в виду семантическую микросистему названий рода *Corvus L.*: *Corvus corax* (ворон) — *Corvus corone* (ворона) — *Corvus frugilegus* (грач)⁸. Первые два элемента уже давно и надежно реконструированы для балто-славянской эпохи как *vornъ* (*varnas*) — *vorna* (*varna*). Задача заключалась в том, чтобы реконструировать третий элемент.

Польск. *gawron*, чеш. *havran*, укр. *гайворон*, серб. хорв. *гавран*, болг. *гавран* возводятся к прасл. *galo-vornъ*, которое сохранилось как первичное сложное слово в серб.-хорв. *галдвран* ‘грач, *Corvus frugilegus*’. То, что эта реконструкция имеет преимущество перед другими известными реконструкциями, доказывается следующими фактами: а) др.-прусс. *kolwarnis* ‘грач, *Corvus frugilegus*’ восходит к *kole* ‘галка’ и *warnis* ‘ворон’; б) аналогично прасл.

⁵ Дуриданов Ив. Указ. соч., с. 36.

⁶ См. Мартынов В. В. Указ. соч., с. 51—52.

⁷ Об основах этого подхода см. Мартынов В. В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. — В кн.: Этимология, 1968, М., 1971. Там же предшествующая литература.

⁸ См. Беларуска-польскія ізалексы. Мінск, 1975, с. 95—96.

galo-vornъ — от *gala* 'галка' и *vornъ* 'ворон'; в/ лит. *kóvarnis* 'грач, *Corvus frugilegus*' того же происхождения, что и др.-прусс. *kolwarnis*, но с редукцией первой основы, как в польск. *gawron* и др.

Таким образом, мы восстановили балто-славянскую семантическую систему: *vornъ (varnas)* 'Corvus corax' — *vorna (varna)* 'Corvus corone' — *galo-vornъ (kalo-varnas)* 'Corvus frugilegus'. Интересная особенность этой микросистемы заключается в том, что ее третий элемент построен путем объединения в сложном слове первого с названием галки (*Corvus monedula*). Более естественным, однако, было бы считать, что первая основа сложного слова восходит к прилагательному, обозначающему цвет. Ср. серб.-хорв. *галдвран* и *гѧо, гѧла*, 'черный'. Надежность реконструкции балто-славянского сложного слова *galo-vornъ (kalo-varnas)* основана на соблюдении принципа лингвогеографической дистрибуции: полностью сохранившиеся формы сложного слова серб.-хорв. *галдвран* и др.-прусс. *kolwarnis* зафиксированы на периферии балто-славянского мира, и поэтому вторичная инфильтрация, которая была бы возможна, если бы эти формы принадлежали контактирующим диалектам, в данном случае исключена.

Остается неясным двойной рефлекс первой основы балто-славянского сложного слова. Мы имеем в виду альтернацию по глухости / звонкости в начале. Эта альтернация оказывается широко распространенной на славянской языковой территории. Ср. серб.-хорв. *гѧвран*, словен. *gāvran*, польск. *gawron*, чеш. *havran*, в.-луж. *hawron*, укр. *гайворон*, с одной стороны, и словен. *kāvran*, н.-луж. *karwon* (< **kawron*), укр. *каворон*, рус. *каворон*. Формы с начальным *k* этимологически связывают с лит. *kóvarnis*, формы с начальным *g* с балтийскими лексемами не связывают. Между тем, здесь такое же отношение, как и в случае с рус. *груша*, укр. *груша*, чеш. *hruška*, польск. *grusza*, словен. *gruška* (*g* — начало); серб.-хорв. *крѷшка*, болг. *круша*, польск. *krusza*, в.-луж. *krušwa* (*k* — начало), который также имеет балтийские соответствия с начальным *k*: лит. *kriáušė*, др.-прусс. *crausy* в том же значении ('груша'). Если предположить, что балтийское начало отражает более древнюю форму, то в этом и в нашем случае мы получим единообразную реконструкцию, причем в нашем случае она получит неожиданное дополнительное подтверждение. Итак, если мы реконструируем балто-слав. **kalo-vornas* 'грач, *Corvus frugilegus*', то первая часть получает определенное значение: 'черный'. Ср. серб.-хорв. *кѧо, кѧла*, 'грязь', болг. *кал*, словен. *kāl* 'тж', чеш. *kal* 'тж' и др., др.-инд. *kālah* 'сине-черный', др.-греч. *κηλάρ ἡμέρα* 'черный день' и др. серб.-хорв. *гѧо, гѧла*, 'черный' было бы дублетом к *кѧо, кѧла* 'грязь'.

Как уже говорилось, реконструкция балто-славянских сложных слов и их элементов (основ) не может опираться на принципы продуктивности и функционально-формальной однозначности, которые применялись при реконструкции балто-славянского суффиксального словообразования, однако анализ по семантическим микросистемам в лингвогеографическом плане оказывается достаточно эффективным чтобы компенсировать отсутствие показателей первого типа. Эффективность второй методики может быть продемонстрирована не только на примерах истинных реконструкций типа **kalo-vornъ*, но и реконструкций иллюзорных, ибо только эта методика по-

зволяет четко отделить первые от вторых. К числу иллюзорных, с нашей точки зрения, балто-славянских инноваций относится пара прасл. *čelověkъ* ~ лит. *vaikas* 'дитя, мальчик'⁹. Мы возражали против этой версии, считая, что непосредственное приравнивание праславянской формы к литовской, несмотря на несомненную архаичность литовского языка, недопустимо¹⁰. Мы не сомневаемся в том, что литовские формы могут заменять нам не сохранившиеся праславянские¹¹. В одной из наших работ использована возможность реконструкции праславянского первичного глагола, не сохранившегося в славянских языках, на основе соответствующей литовской формы. Однако подобного рода реконструкции требуют чрезвычайной осторожности, ибо не все архаично даже в самом архаичном языке. Прежде чем на основе лит. *vaikas* 'дитя' реконструировать прасл. *-vĕkъ* 'дитя' необходимо доказать архаичность литовской лексемы и ее семантики¹².

Общепринятая этимология этого слова построена на поиске этимона без предварительной пространственно-временной стратификации¹³, не говоря уже об анализе по семантическим микросистемам. Лит. *vaikas* 'мальчик, дитя' соотносят с якобы апофоническим его вариантом, зафиксированным в лит. *vėikus* 'быстрый, ловкий'. Это сопоставление типично для традиционной методики поиска этимона. Оно дает в руки исследователя почти неограниченные возможности производства этимологических версий. Сопоставление лит. *vaikas* 'дитя' с *vėikus* 'быстрый, ловкий'¹⁴ едва ли относится к числу лучших. Попытка как-то оправдать переход в значении приводит к семантической параллели лит. *kūdikis* 'грудное дитя' ~ латыш. *kūdit* 'преследовать, гнать' (*sic!*). Однако совсем парадоксальным является то, что при попытках этимологически соотнести лексемы второй пары в качестве семантической параллели приводится первая пара, т.е. налицо круг в доказательстве. Мы уже не говорим о крайней произвольности обоих сближений. Если принять для лит. *kūdikis* этимологическую версию Трубачева, согласно которому *kūdikis* из прасл. **kudьсь* < *kudati* 'рожать досрочно' (ср. выкидыш)¹⁵, то ясно, что ничего не остается от семантической параллели к *vaikas* ~ *vėikus*. Но и в альтернативном случае семантическая параллель снимается взаим-

⁹ Мартынов В. В. Славянские этимологические версии. — В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972, с. 185—186.

¹⁰ Ср. Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы прасл. *čelovek* 'человек', — „Этимология“, 1973, М., 1975; стр. 17, который, исходя из тезиса об особой архаичности литовского языка, настаивает на корректности непосредственного сопоставления прасл. *-vĕkъ* (в *čelověkъ*) и лит. *vaikas*.

¹¹ См. в последнее время Откупщиков Ю. В. Литовский язык и праславянские реконструкции. — „Baltistica“, 1974, т. X, с. 7—9.

¹² Ср. F. Sławski. Lexikalische Neuerungen im Baltisch-Slavischen. — В кн.: *Donum Balticum. To Professor Christian S. Stang.* Stockholm, 1970, с. 504, который вслед за Р. Траутманом считает, что *vaikas* балтославянская инновация и Chr. S. Stang. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen.* Oslo—Bergen—Tromsø, 1966, с. 9, который считает *vaikas* балтийской инновацией.

¹³ Ср. Мартынаў В. У. Этымалогія і лінгвістычная геаграфія. — „Беларуская лінгвістыка“, 1976, вып. 9.

¹⁴ См. E. Fraenkel. LEW, с. 1180—1181.

¹⁵ См. Трубачев О. Н. Заметки по литовской этимологии. — В кн.: *Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz.* Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, с. 332—334.

ными ссылками (круг в доказательстве). Таким образом, весьма проблематичное в этимологическом отношении прасл. **věkъ* 'дитя' соотносится с не менее проблематичным лит. *vaikas* 'дитя'.

Лингвогеографический анализ лит. *vaikas* показывает, что это слово не только не имеет надежных параллелей в других индоевропейских языках, но также не является общебалтийским. В латышском языке оно отсутствует, а латыш. *vaiks* 'парень' заимствовано из литовского и фиксируется в литовском пограничье¹⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что прусско-жемайтский ареал знает значение 'парень, батрак'. Ср. др.-прусс. *waix* 'батрак', *wayk-lis* 'сын', лит.-жемайтск. *vaikis* 'парень, батрак'. Что касается лит.-жемайтск. *vaikis*, то его распространение ограничено литовским побережьем и северо-западной частью жемайтской территории примерно до линии Шилуте—Шилале—Варняй—Куршенай—Йонишкис¹⁷, т.е. является непосредственным продолжением прусской территории на северо-восток. На основании др.-прусс. *waix* 'батрак' легко реконструировать значение 'парень'. Ср. в обоих значениях др.-англ. *sniht*, нем. *Vube* и укр. *парубок* 'парень', бел. *парабак* 'батрак'. Естественно, возникает вопрос о первичности одного из двух значений (1 — 'парень, батрак' и 2 — 'дитя, ребенок'). Первое охватывает более архаичный языковой ареал, но этого еще недостаточно для вывода.

Определенный вывод помогает делать собранный и систематизированный в последнее время материал по семантической истории лит. *vaikas* и *bėrnas* 'парень, батрак' (семантика второго, как легко увидеть, соответствует семантике первого на прусско-жемайтском ареале). Эти данные¹⁸ недвусмысленно свидетельствуют о том, что на протяжении XVI—XVII вв. литовское *bėrnas* 'дитя, ребенок' вытеснялось в этом значении литовским *vaikas*. Старолитовское название ребенка сохраняется в XVII—XIX вв. в выражении *bebėrnis* 'бездетный', которое сейчас заменено на *bevaikis*¹⁹. Параллельное существование абсолютных синонимов *bėrnas* и *vaikas* и постепенное вытеснение первого вторым демонстрирует вторичность последнего. Это также подтверждается прабалтийским и индоевропейским характером *bėrnas*. Ср. лит. *bėrnas* 'дитя', латыш. *bērnis* 'тж', лит. *bebėrnis* 'бездетный', латыш. *bezbērnis* 'тж' (гот. *barns* 'дитя' и другие германские соответствия в этом же значении). Таким образом, лит. *vaikas* в значении 'дитя, ребенок' новообразование XIX—XX вв. и его сопоставление с прасл. *čelo-věkъ* теряет всякий смысл. Сравним

¹⁶ ME IV 436.

¹⁷ По данным картотеки LKŽ. Эту информацию передал коллега А. Ванагас, за что мы весьма ему благодарны.

¹⁸ См. R. Bėrtulis. Liet. *bėrnas*: latv. *bērnis* un tā atvasinājumu semantika. — „Baltistica“ 1972, I priedas, с. 20—23.

¹⁹ По-видимому, в XIX в. в ряде говоров прусской Литвы значение 'дитя, ребенок' для лексемы *vaikas* еще не было. Лит. *vaikas* тогда должно было значить только 'мальчик, парень'. Не об этом ли свидетельствует недоумение А. Лескина, упоминаемое в статье Бертулуса, по поводу того, что литовский крестьянин к числу *vaikai* относит только мальчиков? Рассказ Лескина о крестьянине, имеющем трех сыновей и двух дочерей и отвечающем на вопрос о количестве детей (*vaikūs*) словами *turiù tris vaikūs* приводится О. Шрадером. Причем, Шрадер также делает неоправданный экстралингвистический вывод: „Учитывалось, следовательно, только число мальчиков“ (см. O. Schrader, *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde*, Bd. I. Berlin und Leipzig, 1917—1923, с. 588.)

теперь литовскую и латышскую реализацию фрагмента семантической микросистемы 'дитя — мальчик, парень'. Для литовского он восстанавливается как *bėrnas* — *vaikas*, для латышского он реализуется как *bērns* — *puika*, лит. *vaikas* здесь соответствует латыш. *puika*, которое, как известно, прибалтийскофинского происхождения (ср. фин. *poika* 'мальчик, парень'). Интересно рассмотреть географию прибалт.-фин. *poika*. Это слово распространилось на большую часть балтийского побережья, учитывая, с одной стороны швед. *pojke* 'мальчик', а с другой, лит. *puika* < латыш. *puika* 'мальчик, парень'. Все это говорит о том, что *vaikas* и *puika* в значении 'мальчик, парень' находятся в дополнительном географическом распределении. Частично *puika* инфильтруется на литовскую территорию, а *vaikas* — на латышскую.

География позволяет предполагать для них единство происхождения. А так как происхождение *puika* не вызывает никаких сомнений, мы можем выдвинуть гипотезу о прибалтийскофинском происхождении *vaikas*.

Формально, с определенными трудностями это может быть объяснено следующим образом. На жемайтской территории известен спорадический переход *uo* > *va*²⁰ (ср. лит. *sodinti* 'сажать', *súodis* 'сажа' и лит. жемайтск. *svadinti* 'сажать') тогда *p^uoika* (зап.-лив. *p^uoiga*) > **pvaikas*, которое при последующей ассимиляции губных дало *vaikas*.

Таким образом, лит. *vaikas* и латыш. *puika* — разные пространственно-временные преобразования прибалт.-фин. *poika*. Первое — результат инфильтрации в прусско-жемайтском ареале с последующей иррадиацией на более широкую территорию, второе — результат инфильтрации в латышском ареале также с последующей иррадиацией. В первом случае *p^uoika* > *pvaikas* > *vaikas*, во втором *p^uoika* > *puika* (литовско-латышский дифтонг *ui* < *uoi* < *ōi*)²¹.

Сказанное наглядно демонстрирует опасности праязыковых реконструкций, не учитывающих пространственно-временную стратификацию и семантическую системность лексики.

Настало, очевидно, время для создания полного списка балто-славянских инноваций в области аффиксации, основосложения и семантического словообразования. Уже то, чем мы располагаем в настоящее время, убедительно свидетельствует в пользу мощного балто-славянского инновационного процесса, однако дальнейшее совершенствование методики реконструкции позволит сделать такого рода список инноваций в достаточной мере надежным, позволит избежать ошибочных реконструкций, которых немало в словаре Р. Траутмана²².

²⁰ Ср. J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, t. I. Warszawa, 1958, с. 181.

²¹ Ср. K. Vīga. RR 1958, 292–293; J. Endzelin. Lettische Grammatik. Rīgā, 1922, с. 41.

²² Ср. в самое последнее время некоторые лингвогеографические коррективы к словарю Траутмана в статье Непокупный А. П. Локальные инновации в „Балто-славянском словаре“ Р. Траутмана. — „Baltistica“, 1975, т. XI(2).